

Кочережко С.С.

Самарский государственный университет, исторический факультет, V курс

Влияние Пугачёвского восстания на взгляды императрицы Екатерины II: постановка проблемы

Крупнейший социальный конфликт второй половины XVIII в., каковой стала «Пугачёвщина» 1773-1775 гг., не мог не повлиять на внутреннюю политику империи и на взгляды главной её распорядительницы – императрицы. В части отечественной историографии даже закрепилось деление царствования Екатерины II на два периода – до и после восстания Е.И. Пугачёва [1, 114]. Цель данной краткой статьи – в очередной раз поставить вопрос о влиянии «Пугачёвского бунта» на взгляды и политику Екатерины и наметить ответы на него. Следует выделить три основных аспекта этого: вопрос о крепостном праве, вопрос об абсолютизме и вопрос об идеологии императрицы в целом.

1. Вопрос о крепостном праве. Изучение официальной и личной переписки Екатерины II периода восстания показало, что в качестве одного из факторов «бунта» императрица выделяла тяжёлое положение «черни» (бедность, частые голода, безграмотность, притеснения от местных чиновников и пр.), но не касалась вопроса о крепостном праве. Лишь в одном письме, которое предположительно было написано сразу после восстания (осенью 1775 г.), императрица не просто обратилась к вопросу о крепостничестве, но и явно высказала свою позицию. В письме к генерал-прокурору князю А.А. Вяземскому [2, 390-391] Екатерина II высказалась против «не к стати не к ладу» выдвинутого Сенатом законопроекта о приравнивании наказания крепостным, убившим своих помещиков, к наказанию крестьянам, не способствовавшим защите барина. Поскольку положение помещичьих крестьян (Екатерина называет его «критическим») не изменится («генерального освобождения несносного и жестокого ига не воспоследует»), то введение такого жёсткого карательного закона заставит их взбунтоваться («бунт всех крепостных деревень воспоследует»).

Итак, императрица явно указывает на судьбу крепостного права: «генерального освобождения несносного и жестокого ига не воспоследует». Но

вместе с тем она утверждает, что нужно делать государству в этом случае, чтобы избежать новых бунтов. Она наказывает Вяземскому «быть весьма осторожну... дабы не ускорить и без того довольно грозящую беду... Ибо если мы не согласимся на уменьшение жестокости и умерение человеческому роду настерпимого положения, то и против нашей воли сами оную возмут рано или поздно». Новых волнений «окроме тишиной и человеколюбивыми учреждениями ничем избегнуть не можно».

2. Вопрос об абсолютизме, а именно – о возможности сокращения власти монарха за счёт расширения прав и полномочий сословных органов самоуправления. Именно требование создания выборных собраний с функциями местного самоуправления прозвучало в наказах всех сословий в «Уложенную комиссию» [3, 60], оставшиеся от которой «частные комиссии» были распущены Екатериной во время восстания в 1774 г.

Известно, что этот вопрос был решён положительно в отношении дворянства (дворянские собрания были созданы «Учреждениями о губерниях» 1775 г., а их деятельность упорядочивалась указами 1778-1783 гг. и в окончательном виде была регламентировала «Жалованной грамотой дворянству» 21 апреля 1785 г. [4, 470-474]) и горожан (система городского самоуправления, введённая при Петре I, была преобразована Екатериной в «Жалованной грамоте городам»), а в отношении крестьянства – отрицательно. А.М. Тургенев в своих «Записках» приводит цитату Екатерины, которую она, по его словам, в придворных кругах повторила «несколько сот раз» и которая была передана Тургеневу бывшим камердинером Екатерины – Ф. Е. Секретаревым: «Я в душе республиканка, деспотизма ненавижу. Но для блага народа русского абсолютная власть необходима. Вы видели на опыте, что сделал народ во время бунта Пугачева» [5, 210]. Изучение переписки императрицы показывает, что распространение крестьянских бегств от помещиков (ещё один фактор «Пугачёвщины») Екатерина сочла результатом недоработок местных чиновников, поэтому высказывалась за необходимость «заводить... какого ни на есть рода начальство» везде и особенно в районах скопления беглых (например, на Ир-

гизе) [6].

3. Вопрос об идеологии Екатерины II. В историографии укрепилось мнение, что «Пугачёвщина» сыграла важную роль в развитии общественного мнения и государственной идеологии в России. Причём, если «передовые и прогрессивные» мыслители начали выдвигать идеи демократизации общества, то «правительственный лагерь» начал разочаровываться в просвещённом абсолютизме и переходить к консервативным позициям [7]. Этот переход «правительственного лагеря» к консерватизму в последней трети XVIII в. начался с роспуска Уложенной Комиссии, продолжился под влиянием восстания Е.И. Пугачёва и завершился на рубеже 1780-90-х гг. с проникновением в Россию известий о Великой Французской революции.

На мой взгляд, этот тезис вполне применим и лично к Екатерине II, поскольку в «уроках», которые она вынесла из «Пугачёвщины» соседствовали как откровенно консервативные идеи (отказ от идеи «совета с народом», ужесточение цензуры, усиление централизации и т.д.), так и взгляды, характерные для просвещённого абсолютизма (высказанные императрицей мысли о необходимости помощи народу в преодолении последствий восстания, о необходимости повышения образовательного уровня населения, о нежелательности ухудшения социально-экономического положения крестьян и т.д.). Таким образом, можно утверждать, что если «Пугачёвщина» и стала этапом перехода Екатерины к консерватизму, то одним из начальных этапов этого процесса.

Примечания

1. *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983.

2. Письмо Екатерины II к генерал-прокурору князю А.А. Вяземскому (вероятно, осень 1775 г.) // Осьмнадцатый век. Кн. 3. М., 1869.

3. *Коршунова Н.В.* Проекты реформ в России (вторая половина XVIII – первая четверть XIX в.). Челябинск, 2009.

4. *Мадариага И. де.* Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002.

5. *Тургенев А.М.* Записки Александра Михайловича Тургенева // Русская старина. 1889. Т. 61. № 2.

6. Собственноручное письмо Екатерины II П.И. Панину от 3 октября 1774 г. // Сборник РИО. Т. VI. СПб., 1871. С.154; Собственноручное письмо Екатерины II П.И. Панину от 20 ноября 1774 г. // Там же. С.182.

7. А.Б. Каменский отмечал, что восстание убедило императрицу в «неподготовленности её подданных к реализации идей Просвещения» и показало приверженность «низов»

российского общества «архаичным формам социального бытия» (*Каменский А.Б.* «Под сению Екатерины». СПб., 1992. С.289-290). См. также: *Костыря Л.П.* Пугачёвщина и формирование российского консерватизма // *Российский консерватизм: теория и практика: Сборник научных трудов / Под. ред. В.Ф. Мамонова.* Челябинск, 1999. С.27-30; *Мавродин В.В.* Крестьянская война в России в 1773-75 гг. Т.1. Л., 1961. Хотя существует и противоположное мнение: *М.К. Любавский* указывал, что лишь в первой половине 1780-х гг. «замерли последние мечты Екатерина об облегчении крепостных крестьян, и она окончательно примирилась с существовавшим порядком и даже сделалась его охранительницей». (*Любавский М.К.* Русская история XVII-XVIII веков. СПб., 2002. С.498.)